

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-152–163

ТҮХН СЕЛЕВКА II В КЛЯТВЕ МАГНЕСИЙСКИХ КАТОЙКОВ (OGIS 229. II)

И.Ю. Воробьев

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: prozaivana@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4265-0285

Аннотация. Тюхе – божество судьбы, удачи, чей культ был популярен в эллинистический и римский периоды. Существовали ее ипостаси, олицетворявшие «счастье» правителя. Статья посвящена персонификации «счастья» царя Селевка II, упомянутой в клятве магнесийских катойков (OGIS 229. II). В статье были проанализированы имеющиеся свидетельства существования царской Тюхе в эллинистическом мире для уточнения образа божества в идеологии династии Селевкидов. Автор предполагает, что роль царского «счастья» в идеологии этой династии была в целом незначительной. Сделан вывод о том, что в «счастье царя Селевка» стоит видеть не «личного гения», а божество, имеющее тесную связь с правителем. Появление селевкидской Тюхе можно рассматривать как развитие ритуала клятвы в эллинистический период и проявление интереса к богине не только со стороны монархии, но и со стороны ее подданных.

Ключевые слова: Тюхе, Селевк II, клятва, катойки, Селевкиды.

Культ Тюхе, божества удачи, счастья, судьбы, появившийся в греческом мире в IV в.¹, достиг своего апогея в эллинистический и римский периоды. Богиня, будучи воплощением общей для всех удачи, обладала также ипостасями, олицетворявшими судьбу определенного полиса, правителя или обыкновенного человека. Современники могли испытывать интерес к ним и даже рассматривать их как объект отдельного почитания². В данной статье будет уделено внимание персонификации счастья царя Селевка II (246–225 гг.), существование которой зафиксировано только в эпиграфическом памятнике из Смирны. В годы Третьей Сирийской войны (246–241 гг.) селевкидские катойки Магнесии-у-Сипила восстали против царского дома и вступили в прямую конфронтацию со Смирной, сохранявшей

Данные об авторе: Иван Юрьевич Воробьев – аспирант ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

Автор выражает признательность д.и.н. О.Л. Габелко и д.и.н. А.В. Махлаюку за ценные замечания по тексту настоящей статьи.

¹ Все даты в статье, кроме оговоренных отдельно, до н.э.

² Matheson 1994, 19.

верность Селевку³. Впоследствии монарх решил вознаградить Смирну за преданность и поэтому способствовал ее синойкизму с Магнесией, произошедшему по разным оценкам в 245 г.⁴, 244/243 г.⁵ или в 243 г.⁶ Объединение принесло наибольшую выгоду смирнийцам: царем было гарантировано увеличение земельного фонда Смирны, полис обретал большую военную мощь за счет новых граждан и поэтому становился менее зависимым от услуг наемников⁷. Магнесийские катойки не оказались в равном положении: им были выделены небольшие по размеру земельные участки, а также за ними были закреплены военные обязательства по защите полиса и его хоры⁸. Договор о синойкизме содержит клятвы, принесенные смирнийцами и магнесийскими катойками. Военные колонисты клянутся рядом значимых богов и «тюхе царя Селевка» (OGIS 229.Π = I.Smyrn. 573. сткк. 60–61: ὁμνῶ... τὴν τοῦ βασιλέως Σελεύκου τύχην). Данный факт наводит на мысль о том, что «счастье царя» целенаправленно выделяют из общего числа богов-свидетелей по политическим мотивам: опальное положение магнесийцев требовало от них демонстративного проявления лояльности⁹ и к царскому дому, и лично к Селевку. Этим можно объяснить расположение царской Тюхе в списке божеств уже после традиционного завершающего клятву словосочетания (Ibid. сткк. 61: θεοὺς πάντας καὶ λάσας).

Уникальность упоминания царского счастья для династии Селевкидов (только по отношению к Селевку II) способствовала возникновению исследовательского интереса ученых. При этом особое влияние сохраняет точка зрения о восточном происхождении понятия «тюхе царя». Д. Селден в своем комментарии к смирнийской надписи охарактеризовал наличие царской «фортуны» в клятве как свидетельство признания божественности власти эллинистического правителя – идеи, заимствованной с Востока¹⁰. Исследовательницы С. Шервин-Уайт и А. Курт отмечают, что именно воины клялись в верности эллинистическому царю его удачей, и полагают, что истоки такой клятвы стоит усматривать в культуре Месопотамии ассирийского и нововавилонского периодов¹¹. Пограничную позицию в этом вопросе занимает П. Гарднер: для него «тюхе царя Селевка», безусловно, эллинское понятие, своими корнями восходящее ко времени персидского владычества над Ионией, когда подданные считали, что за ахеменидским царем закреплена собственная удача, которая была перенесена на селевкидского царя¹². В свою очередь М. Килич связывает упоминание «тюхе царя» с локальной религиозной спецификой – существованием в Смирне популярных культов божеств, тесно связанных между собой, Немезиды и Тюхе, обладавших отдельными храмами¹³. Мы полагаем, что необходима корректировка имеющихся формулировок

³ Grainger 2010, 167.

⁴ Ihnken 1978, 42.

⁵ Elwyn 1990, 180.

⁶ Fingerson 1998, 5.

⁷ Aumond 2004, 22, 56.

⁸ Bar-Kochva 1976, 38.

⁹ Williamson 2013, 132.

¹⁰ Wallace 2011, 396.

¹¹ Sherwin-White, Kuhrt 1993, 58.

¹² Gardner 1888, 74.

¹³ Kılıç 2014, 849.

об образе и значимости божества в идеологии Селевкидов, и потому нами привлекались источники, указывающие на существование «царского счастья» у представителей других династий эллинистического мира. Анализ таких свидетельств с учетом эллинского культурного единства будет способствовать уточнению характеристики Тюхе Селевка II.

Несмотря на имеющуюся точку зрения, согласно которой клятва «счастьем царя» – это часть присяги воинов эллинистическому правителю¹⁴, ни ранее, ни после 240-х гг. нет свидетельств о существовании такой традиции, тем более о том, что «тюхе царя» было важной или обязательной частью присяги. В качестве немногочисленных примеров можно упомянуть следующее: 1) в 323 г. конница дала клятву будущему царскому наследнику и его опекунам (Just. XIII. 3. 1); 2) в 278/7 г. был составлен договор между Никомедом I и его военными союзниками – галатами (Memn. F. 11. 2.), общие и даже искаженные¹⁵ положения которого до нас дошли; 3) в 262/260 г. милетские эфебы клялись в дружбе и союзе по отношению к Птолемею II (Milet I 3, 139C = SEG 4. 428. сткк. 47–50); 4) в 252 г. к присяге были приведены новобранцы-клерухи в Филадельфии (P.Cair. Zen. 2 59254 = Trismegistos 899. сткк. 2); 5) в 204 г. птолемеевские фалангиты¹⁶ дали клятву, которую обычно приносили при венчании царя (Polyb. XV. 25. 11); 6) в 147 г. воины Александра Баласа, «вспомнив» о своей старой присяге Деметрию I, перешли на сторону его сына Деметрия II (Just. XXXV. 2. 3). В сохранившихся текстах клятвы мы видим стандартную формулу без существенных особенностей, которые каким-либо образом могли обозначить особый статус правителя, например, в договоре Птолемея I (I.Iasos 2. = SEG 37. 862. сткк. 35–36), а также в договоре Эвмена I (OGIS 266 = IvP I 13. сткк. 23–25) с наемниками свидетелями клятвы являются традиционные божества. Однако здесь возможны оговорки: Эвмен I не являлся царем, а потому именно «царским счастьем» мог не обладать, как и Птолемей I на момент заключения договора (309/305 г.)¹⁷.

Важно отметить, что богиня Тюхе в своей популярности значительно уступала культам божеств, традиционно воспринимавшихся как покровители воинов (Зевс, Аполлон, Афина и т.д.)¹⁸. Известное посвящение Филоты, командира птолемеевского гарнизона в критском Итане, «Тюхе Протогене Энее» (I. Epidamnos T 518 = IC III.iv.14. сткк. 8–10: Τύχηι Πρ[ω]τογενῆι Αἰενάφ[τ]ι) отчетливо показывает, что упомянутые эпитеты божества не связаны с идеологией царского дома. Для С. Спиридакиса, датировавшего надпись периодом правления Птолемея V (205/204–181/180 гг.), итанийский культ Тюхе выражал надежду гарнизона на помощь богини и символизировал решимость защищать город¹⁹. По мнению А. Ханиотиса, который датировал посвящение более поздним временем, божество могло быть связано с влиянием культа римской Фортуны Примигении²⁰. Обратим внимание, что сам адресант не считал нужным связать свое посвящение с лично-

¹⁴ Feldmann 1885, 98; Dittenberger 1903, 371.

¹⁵ Габелко 2005, 182.

¹⁶ Bayliss 2013, 37.

¹⁷ Dmitriev 2011, 125.

¹⁸ Ханиотис 2013, 223–225.

¹⁹ Spyridakis 1969, 46.

²⁰ Chaniotis 2002, 109.

стью царя, хотя такая возможность у него имелась, да и он не преминул упомянуть все свои титулы (Ibid. сткк. 4–7) при александрийском дворе.

Э. Бикерман охарактеризовал клятву магнесийцев как свидетельство существования царского культа в селевкидской армии²¹, с чем нам трудно согласиться. Он объяснял наличие «счастья царя» в клятве тем, что «в ту эпоху часто клялись гением человека, от которого зависели»²², и ссылаясь на папирус из архива Зенона, где упоминается клятва «царем и даймоном Панакестора» адресату послания (P.Col.Zen. I. 18). Позиция Э. Бикермана основывается на распространенной точке зрения, согласно которой даймон, Тюхе, гений – понятия тождественные²³: словом «тюхе» обозначали гений римского императора, который соответствует даймону птолемеевского царя²⁴. По всей видимости, именно это повлияло на исследователей, обозначающих «удачу царя Селевка» прежде всего как его личного гения. Тем не менее мы полагаем, что «счастье» Селевка II – при всех возможных точках пересечения с даймоном и гением – не тождественно им. Так, М.П. Нильссон разделяет понятия даймон (воплощение судьбы отдельного человека) и Тюхе (культово почитаемое божество удачи)²⁵. И, в частности, это разграничение мы можем видеть в тексте папируса 251 г.: адресант в письме к Зенону просит о ряде услуг, к которым присовокупляет клятву «даймоном царя и Арсиной» (psi.4.361 = Trismegistos 2048. сткк. 6–7: [ὄμν]ύω δέ σοι τὸν βασιλέως δαίμονα καὶ τὸν Ἀρσινόης), а в дальнейшем говорит о счастье царя и диойкета Аполлония (Ibid. сткк. 11–12: ἐὰν δετ[.] τοῦ βασιλέως καὶ Ἀπολλωνίου τύχης). Р. Бир отмечала, что клятвы даймоном царя заменяли клятвы самой фигурой правителя в ранний птолемеевский период, а в дальнейшем, после правления Птолемея III (246–222 гг.), начали клясться уже непосредственно царем²⁶.

С птолемеевской идеологией ученые также тесно связывали образ богини Ἀγαθή Τύχη. Например, широко известно изображение царицы Береники II на ойнохойе с подписью: «Βερενίκης βασιλίσσης ἀγαθῆς τύχης». Данный факт исследователи трактуют следующим образом: царица являлась буквально «Доброй удачей»²⁷; Береника понималась как приносящая процветание и изобилие, подобно божеству²⁸; «богиня судьбы Тюхе» выступала царской «заступницей»²⁹. Однако Ш. Пфайффер считает, что эта надпись – пожелание удачи на праздничных жертвоприношениях³⁰, с чем мы и склонны согласиться. Также стоит упомянуть галикарнасскую надпись, согласно исходному восстановлению которой Птолемей I обладал собственной «доброй удачей» (OGIS 16. сткк. 1–3: ἀγαθῆ τύχη [τῆ] Πτολεμαίου τοῦ Σωτήρος)³¹. На данный момент такое восстановление многими учеными не признается³², и упоминание Тюхе трактуют не как адресата по-

²¹ Бикерман 1985, 92.

²² Бикерман 1985, 239.

²³ Liddell, Scott, Jones, McKenzie 1996, 1839.

²⁴ Pfeiffer 2008, 22.

²⁵ Nilsson 1943, 262–263.

²⁶ Beare 1980, 330.

²⁷ Clayman 2014, 169.

²⁸ van Oppen 2015, 52.

²⁹ Сапрыкин 2005, 59.

³⁰ Pfeiffer 2008, 63.

³¹ Haussoullier 1880, 400.

³² Caneva 2019, 1–4; Pfeiffer 2008, 402.

священия, а как пожелание удачи (Halikarnassos 39. сткк. 1–3: ἀγαθῆι τύχηι ὑ[πὲρ βασιλέως] Πτολεμαίου τοῦ [βασιλέως καὶ] σωτῆρος).

Мы не обнаруживаем подобные примеры по отношению к династии Селевкидов. Более того, незначительность образа Тюхе в идеологии Селевка II может наглядно демонстрироваться тем фактом, что изображение богини вообще не было широко распространено на монетах III века. В качестве редкого примера можно привести бронзовую монету предположительно из Сард периода правления Антиоха II (261–246 гг.), отца Селевка II. Голова богини удачи увенчана башенной короной³³, что указывает на полисную семантику ее образа. Тюхе появляется на селевкидских монетах различных номиналов вновь лишь во II в. и остается на них почти до конца существования династии. Э. Смит отмечала наличие богини на чеканке II в., в первую очередь, как политическое и идеологическое влияние Птолемеев на Селевкидов³⁴, раздираемых постоянными династическими войнами. Говоря о семантике изображений Тюхе на монетах Деметрия II Никатора (145–138 и 129–126 гг.), У. Мур подчеркивал ее, прежде всего, полисную природу (“The civic (or demotic cult) nature”) и возможность соотнести изображение богини с отдельным гражданином, царем и со всем государством в целом³⁵. Тем не менее для С.В. Обухова Тюхе на селевкидских монетах остается «личным гением – покровителем царя, его личной царской удачи, фортуны»³⁶. В этом он солидарен с определением, данным Э. Бикерманом, на которое и ссылается. В качестве аргумента С.В. Обухов указывает на атрибут богини – весло. Мы полагаем, что весло, равно как и руль корабля, с которым могла изображаться на монетах Тюхе, символизировало ее способность направлять судьбы к несчастьям или благополучию³⁷.

Упоминание в тексте договора персидских всадников³⁸ и их командира Омана (OGIS 229.III = I.Smyrn. 573. сткк. 104–105: Ὀμάνει καὶ το[ῖς] Πέρσαις τοῖς ὑπὸ Ὀμάνην) дало повод утверждать, что упоминание «тюхе царя Селевка» в клятве – это результат влияния персидской культуры, реверанс в сторону неместных катойков: они клянутся привычной им хварной – иранским символом царской удачи³⁹. Однако, по мнению М.А. Шенкаря, проблематично говорить вообще о ее идеологической роли в эллинистический период из-за скудости источников⁴⁰, а К. Таплин в общем отметил слабость аргументов такой позиции⁴¹. Более убедительно ахеменидское влияние прослеживается в Понте, где мы также фиксируем «тюхе царя». Речь идет о знаменитой клятве, приносимой царями в святилище Мена-Фарнака (Strab. XII. 3. 31: ‘τύχην βασιλέως’ καὶ ‘μῆνα Φαρνάκου’). За отсутствием иных сведений о счастье понтийского царя Э. Ольсхаузен заключает, что форма такой клятвы не подразумевает соответствующую развитую культовую составляющую (“kein kultisches Institut”)⁴². При рассмотрении данной клятвы

³³ Houghton, Lorber 2002.

³⁴ Smith 1994, 92–93.

³⁵ Moore 1986, 134.

³⁶ Обухов 2018, 132.

³⁷ Kılıç 2014, 842.

³⁸ Fingerson 2007, 119–120.

³⁹ Boyce, Grenet 1991, 57.

⁴⁰ Шенкарь 2013, 430.

⁴¹ Tuplin 2014, 275.

⁴² Olshausen 1990, 1897.

С.Ю. Сапрыкин в своих работах делает акцент, прежде всего, на анализе образа божества Мена-Фарнака. Он отмечает, что анатолийский бог Мен связан «с иранской идеей о высшем счастье – хварно»⁴³ и с греческой Тюхе⁴⁴. Персонификация Мена в образ правящего монарха выражала счастье, дарованное богом Меном, а его носитель – царь – воплощал собой это божественное счастье.

С.Ю. Сапрыкин находит первое упоминание «счастья царя» на Боспоре в надписи Хрисалиска⁴⁵, наместника боспорского царя Асандра (47–17 гг.). Текст имеет аккламативный характер⁴⁶: Χρυσάλισκου Τύχη βα[σι]λεύς Ἀσάνδρος φίλ[ο]ρώμαιος⁴⁷. А.А. Харченко отмечает, что здесь Тюхе предстает как покровительница самого Хрисалиска⁴⁸. Еще одно упоминание «счастья царя» приходится на период, выходящий за рамки традиционной датировки эллинизма, а именно на конец I – начало II в. н.э. на Боспоре, в тексте энкомия из Пантикапея. Он посвящен неизвестному военачальнику и повествует о победе боспорского войска над аланами. Уточнение формулировки понятия «счастье царя» осложняет наличие лакун. Первое упоминание царской Тюхе вместе с «личной доблестью» (μετά τῆς ἰδίας ἀρετῆς καὶ τύχῃ βα[σι]λέως...) ⁴⁹ видится нам как устоявшийся оборот речи, подобно «ἀρετῆς καὶ εὐνοίας ἔνεκα» и «ἀγαθῇ τύχῃ». Второе упоминание (λαμπρά τύχη βασιλέως τῶ[v?..])⁵⁰ С.Ю. Сапрыкин трактует следующим образом: счастье царя благотворно влияет на военачальника, а именно «к большему возвеличило его своим содействием»⁵¹. В обоих случаях С.Ю. Сапрыкин после слов τύχη βασιλέως предлагает восстановления имен боспорских царей Рескупорида II и Савромата I. Он характеризует Тюхе царя как «пережиток митридатовских эллинистических традиций почитания царской власти», однако добавляет, что, возможно, это влияние локального культа боспорских правителей⁵². Нам кажется более предпочтительным понимание как прямого идеологического влияния Понтийского царства. Нечто похожее по стилю и значению мы видим на папирусе 123 г., повествующем о противостоянии Крокодилополя и Гермонтиса. Упоминаемое в тексте счастье царей и адресата помогло победить врага (chr.wilck.11a = HGV W.Chr. 11 A. сткк. 17–18: σὺν δὲ τῇ τῶ[v] βασιλέων καὶ τῇ σ<ῆ>ι τ[ύ]χῃ συνέβη τροπ[ω]θῆναι αὐτοὺς). Если упоминание нецарской Тюхе можно считать – вслед за Б.П. Гренфеллом и А.С. Хантом – лестью⁵³, то счастье боспорских и египетских царей (при всей возможной расхожести словосочетания и разницы в стиле частных писем и лапидарных надписей) стоит рассматривать все-таки как влиятельную божественную силу.

Подведем некоторые итоги. Возникновение персонификации «счастья царя» – этап развития идеологии Селевкидов, иллюстрирующий постепенное «вторже-

⁴³ Сапрыкин 2017, 290–291.

⁴⁴ Сапрыкин 2009, 146.

⁴⁵ Сапрыкин 2005, 58.

⁴⁶ Тохтасьев 2015, 206.

⁴⁷ Харченко 2010, 185; Зайцев 2007, 323.

⁴⁸ Харченко 2010, 182–183, 189.

⁴⁹ Виноградов, Шестаков 2005, 43. сткк. 5.

⁵⁰ Виноградов, Шестаков 2005, 43. сткк. 21.

⁵¹ Сапрыкин 2005, 46.

⁵² Сапрыкин 2005, 59.

⁵³ Grenfell, Hunt 1901, 61.

ние» членов династии в божественную сферу, а потому фигурирование божества в клятве магнесийских катойков, при всей кажущейся спорадичности явления, неслучайно: они призывают в свидетели универсальное божество, чья связь с монархом для современников должна быть бесспорна и очевидна. Тем не менее Тюхе Селевка II не относится к культовому почитанию правителя вообще и в армии в частности, а также вряд ли «счастье царя» имеет безоговорочное отношение к клятве селевкидских воинов в III в. Мы полагаем, что «удачу царя Селевка» стоит характеризовать не как личного гения или даймона, а как одно из многочисленных царских божеств (App. Sуг. 60), чье эллинское происхождение очевидно. Однако богиня судьбы и удачи на момент заключения договора о синоиклизме между Смирной и Магнесией-у-Сипила являлась незначительным персонажем в идеологии династии и заметно уступала другим царским божествам, например, Аполлону, предку Селевкидов. Упоминание селевкидской Тюхе в смирнийской надписи можно рассматривать как развитие ритуала клятвы в эллинистический период⁵⁴, причем не только как свидетельство влияния монархической идеологии, но и как самостоятельное выражение интереса к богине подданных, считавших, что «счастье царя» способно прямо воздействовать на них⁵⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Бикерман, Э. 1985: *Государство Селевкидов*. М.
- Виноградов, Ю.Г., Шестаков, С.А. 2005: *Laudatio funebris* из Пантикапея. *ВДИ* 2, 42–44.
- Габелко, О.Л. 2005: *История Вифинского царства*. СПб.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2007: Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Сборник в честь 80-летия Т.Н. Высотской*. Симферополь, 319–358.
- Обухов, С.В. 2018: *Пантеон и царский культ в Коммагене в эпоху Митридата I Каллиника и Антиоха I Теоса*. Дис.... канд. ист. наук. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2017: Иранские традиции в политике, идеологии и культуре Понтийского царства. *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*. Т. 6. М., 280–310.
- Сапрыкин, С.Ю. 2009: *Религия и культы Понта эллинистического и римского времени*. М.–Тула.
- Сапрыкин, С.Ю. 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I–начале II в. н.э. *ВДИ* 2, 45–81.
- Тохтасьев, С.Р. 2015: Надписи на перстнях, содержащие слова ХАРА и ЧУХН. В сб. М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (В.Д. Кузнецов (ред.), *Фанагория. Результаты археологических исследований*. Т. 2). М., 201–206.
- Ханиотис, А. 2013: *Война в эллинистическом мире: Социальная и культурная история*. СПб.
- Харченко, А.А. 2010: Асандр и Хрисалиск (опыт гипотетической персональной истории). В сб.: Л.П. Репина (ред.), *В тени великих: образы и судьбы. Сборник научных статей*. СПб., 178–190.
- Шенкарь, М. А. 2013: Об иконографии хварənah и его роли в идеологии древних иранцев. В сб.: *Последний энциклопедист: К юбилею Б.А. Литвинского*. М., 427–451.

⁵⁴ Berti 2006, 200–201.

⁵⁵ Baynham 1998, 109–110.

- Aumond, L. 2004: *Le Traité de Sympolitie entre Smyrne et Magnésie-du-Sipylos (242/1 av. J.C.) et le concept de patrios kora à l'époque hellénistique*. Université Laval.
- Bar-Kochva, B. 1976: *The Seleucid Army: Organization and Tactics in the Great Campaigns*. Cambridge.
- Bayliss, A.J. 2013: Oaths of office. In S. Daub, M. Erler, D. Gall, L. Koenen, C. Zintzen (eds.), *Oath and State in Ancient Greece. Beiträge zur Altertumskunde*. Vol. 306, Berlin–Boston, 33–46.
- Baynham, E. 1998: *Alexander the Great: The Unique History of Quintus Curtius*. University of Michigan Press.
- Beare, R. 1980: Ptolemy's Daimon and Ruler-Cult. *Klio* 62, 327–330.
- Berti, I. 2006: "Now let Earth be my witness and the broad heaven above, and the down flowing water of the Styx..." (Homer, *Mas XV*, 36–37): Greek oath-rituals. In E. Stavrianopoulou (ed.), *Ritual and Communication in the Graeco-Roman World*. Liege, 181–209.
- Boyce, M., Grenet, F. 1991: *A History of Zoroastrianism, Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule*. Leiden–New York–København–Köln.
- Bricault, L., Caneva, S.G. 2019: Sarapis, Isis et la continuité dynastique lagide. À propos de deux dédicaces ptolémaïques d'Halicarnasse et de Kaunos. *Chiron* 49, 1–22.
- Chaniotis, A. 2002: Foreign Soldiers – Native girls? Constructing and Crossing Boundaries in Hellenistic Cities with Foreign Garrisons. In A. Chaniotis, P. Ducrey (eds.), *Army and Power in the Ancient World*. Stuttgart, 99–113.
- Clayman, D.L. 2014: *Berenice II and the Golden Age of Ptolemaic Egypt*. New York.
- Dittenberger, W. (ed.) 1903: *Orientalis Graeci Inscriptiones Selectae. Supplementum Sylloges inscriptionum graecarum*. Vol. I. Lipsiae.
- Dmitriev, D. 2011: *The Greek Slogan of Freedom and Early Roman Politics in Greece*. New York.
- Elwyn, S. 1990: The Recognition Decrees for the Delphian Soteria and the Date of Smyrna's Inviolability. *JHS* 110, 177–180.
- Feldmann, W. (ed.) 1885: *Analecta Epigraphica Ad Historiam Synoecismorum Et Sympolitiarum Graecorum*. Argentorati.
- Fingerson, K.R. 2007: Persian Katoikoi in Hellenistic Smyrna. *Ancient Society* 37, 107–120.
- Fingerson, K.R. 1998: *Smyrna 573: A Study in Hellenistic Civic Organization During the Third Syrian War (246–241 B.C.)*. University of Wisconsin–Madison.
- Gardner, P. 1888: Countries and Cities in Ancient Art. *JHS* 9, 47–81.
- Grainger, J. 2010: *The Syrian Wars*. Leiden–Boston.
- Grenfell, B.P., Hunt, A. S. 1901: Ptolemaic Papyri in the Grizeh-Museum. *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete* I, 57–65.
- Haussoullier, B. 1880: Inscriptions d'Halicarnasse. *Bulletin de correspondance hellénique* 4, 395–408.
- Houghton A., Lorber, C. 2002. Catalogue, https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb41858594h_public
- Ihnken, T. 1978: *Die Inschriften von Magnesia am Sipylos: mit e. Kommentar zum Sympolitievertrag mit Smyrna*. Bonn.
- Kılıç, M. 2014: The cults of Nemeseis and Tyche at Smyrna. *Belletristik* 283, 833–854.
- Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H.S., McKenzie, R. (eds.) 1996: *A Greek-English Lexicon*. Vol. II. Oxford.
- Matheson, S.B. 1994: The Goddess Tyche. In S.B. Matheson (ed.), *Yale University Art Gallery Bulletin. An Obsession with Fortune: Tyche in Greek and Roman Art*. Yale University, 18–33.
- Moore, W. 1986: The divine couple of Demetrius II, Nicator, and his coinage at Nisibis. *ANSMN* 31, 125–143.

- Nilsson, M. P. 1943: Problems of the History of Greek Religion in the Hellenistic and Roman Age. *Harvard Theological Review* 36(4), 251–275.
- Olshausen, E. 1990: Götter, Heroen und ihre Kulte in Pontos. *ANRW* 18/3, 1865–1906.
- van Oppen, B.F. 2015: *Berenice II Euergetis: Essays in Early Hellenistic Queenship*. New York.
- Pfeiffer, S. 2008: The god Serapis, his cult and the beginnings of the ruler cult in Ptolemaic Egypt. In P. McKechnie, P. Guillaume (eds.), *Ptolemy II Philadelphus and his world*. Leiden–Boston, 387–408.
- Pfeiffer, S. 2008: *Herrscher- und Dynastiekulte im Ptolemäerreich: Systematik und Einordnung der Kultformen*. München.
- Sherwin-White, S., Kuhrt, A. 1993: *From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire (Hellenistic Culture and Society)*. Berkeley–Los Angeles.
- Smith, A.C. 1994: Queens and Empresses as Goddesses: The Public Role of the Personal Tyche in the Graeco-Roman World. In S.B. Matheson (ed.), *Yale University Art Gallery Bulletin. An Obsession with Fortune: Tyche in Greek and Roman Art*. Yale University, 86–105.
- Spyridakis, S. 1969: The Itanian Cult of Tyche Protogeneia. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 18.1, 42–48.
- Tuplin, C. 2014: The military dimension of Hellenistic kingship. An Achaemenid inheritance? In F. Hoffman, K.S. Schmidt (eds.), *Orient und Okzident: Antagonismus oder Konstrukt? Machtstrukturen, Ideologien und Kulturtransfer in hellenistischer Zeit*. Vaterstetten, 245–276.
- Wallace, J. 2011: Legal Theories and Ancient Practices in John Selden’s *Marmora Arundelliana*. *Journal of the History of Ideas* 3. Vol. 72, 393–412.
- Williamson, C. 2013: As God is my witness. Civic oaths in ritual space as a means towards rational cooperation in the Hellenistic polis’. In R. Alston; Onno M van Nijf; C.G. Williamson (eds.), *Cults, Creeds and Identities in the Greek City after the Classical Age*. Vol. 3. Leuven–Paris–Walpole MA., 119–174.

REFERENCES

- Aumond, L. 2004: *Le Traité de Sympolitie entre Smyrne et Magnésie-du-Sipyle (242/1 av. J.C.) et le concept de patrios kora à l'époque hellénistique*. Université Laval.
- Bar-Kochva, B. 1976: *The Seleucid Army: Organization and Tactics in the Great Campaigns*. Cambridge.
- Bayliss, A.J. 2013: Oaths of office. In S. Daub, M. Erler, D. Gall, L. Koenen, C. Zintzen (eds.), *Oath and State in Ancient Greece. Beiträge zur Altertumskunde*. Vol. 306, Berlin–Boston, 33–46.
- Baynham, E. 1998: *Alexander the Great: The Unique History of Quintus Curtius*. University of Michigan Press.
- Beare, R. 1980: Ptolemy’s Daimon and Ruler-Cult. *Klio* 62, 327–330.
- Berti, I. 2006: “Now let Earth be my witness and the broad heaven above, and the down flowing water of the Styx...” (Homer, *Mas XV*, 36–37): Greek oath-rituals. In E. Stavrianopoulou (ed.), *Ritual and Communication in the Graeco-Roman World*. Liege, 181–209.
- Bikerman, Э. 1985: *Gosudarstvo Selevkidov [The State of Seleucids]*. Moscow.
- Boyce, M., Grenet, F. 1991: *A History of Zoroastrianism, Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule*. Leiden–New York–København–Köln.
- Bricault, L., Caneva, S.G. 2019: Sarapis, Isis et la continuité dynastique lagide. À propos de deux dédicaces ptolémaïques d’Halicarnasse et de Kaunos. *Chiron* 49, 1–22.
- Chaniotis, A. 2002: Foreign Soldiers – Native girls? Constructing and Crossing Boundaries in Hellenistic Cities with Foreign Garrisons. In A. Chaniotis, P. Ducrey (eds.), *Army and Power in the Ancient World*. Stuttgart, 99–113.
- Clayman, D.L. 2014: *Berenice II and the Golden Age of Ptolemaic Egypt*. New York.

- Dittenberger, W. (ed.) 1903: *Orientalis Graeci Inscriptiones Selectae. Supplementum Sylloges inscriptionum graecarum*. Vol. I. Lipsiae.
- Dmitriev, D. 2011: *The Greek Slogan of Freedom and Early Roman Politics in Greece*. New York.
- Elwyn, S. 1990: The Recognition Decrees for the Delphian Soteria and the Date of Smyrna's Inviolability. *JHS* 110, 177–180.
- Feldmann, W. (ed.) 1885: *Analecta Epigraphica Ad Historiam Synoecismorum Et Sympolitiarum Graecorum*. Argentorati.
- Fingerson, K.R. 1998: *Smyrna 573: A Study in Hellenistic Civic Organization During the Third Syrian War (246-241 B.C.)*. University of Wisconsin–Madison.
- Fingerson, K.R. 2007: Persian Katoikoi in Hellenistic Smyrna. *Ancient Society* 37, 107–120.
- Gabelko, O.L. 2005: *Istoriya Vifniskogo tsarstva [The History of the Bithynian Kingdom]*. Saint Petersburg.
- Gardner, P. 1888: Countries and Cities in Ancient Art. *JHS* 9, 47–81.
- Grainger, J. 2010: *The Syrian Wars*. Leiden–Boston.
- Grenfell, B.P., Hunt, A. S. 1901: Ptolemaic Papyri in the Grizeh-Museum. *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete* I, 57–65.
- Haussoullier, B. 1880: Inscriptions d'Halicarnasse. *Bulletin de correspondance hellénique* 4, 395–408.
- Houghton A., Lorber, C. 2002. Catalogue, <https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb41858594h.public>
- Ihnken, T. 1978: *Die Inschriften von Magnesia am Sipylos: mit e. Kommentar zum Sympolitievertrag mit Smyrna*. Bonn.
- Khaniotis, A. 2013: *Voyna v ellinisticheskoy mire [The war in the Hellenistic World]*. Saint Petersburg.
- Kharchenko, A.A. 2010: Asandr i Khrisalisk (opyt gipoteticheskoy personal'noy istorii). [Asander and Chrialiskos (the Experience of Hypothetical Personal Story)]. In L.P. Repina (ed.), *V teni velikikh: obrazy i sud'by. Sbornik nauchnykh statey. [In the shadow of the Greats: Images and destinies. Collection of scientific articles]*. Saint Petersburg, 178–190.
- Kılıç, M. 2014: The cults of Nemeseis and Tyche at Smyrna. *Belleter* 283, 833–854.
- Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H.S., McKenzie, R. (eds.) 1996: *A Greek-English Lexicon*. Vol. II. Oxford.
- Matheson, S.B. 1994: The Goddess Tyche. In S.B. Matheson (ed.), *Yale University Art Gallery Bulletin. An Obsession with Fortune: Tyche in Greek and Roman Art*. Yale University, 18–33.
- Moore, W. 1986: The divine couple of Demetrius II, Nicator, and his coinage at Nisibis. *ANSMN* 31, 125–143.
- Nilsson, M. P. 1943: Problems of the History of Greek Religion in the Hellenistic and Roman Age. *Harvard Theological Review* 36(4), 251–275.
- Obukhov, S.V. 2018: *Panteon i tsarskiy kul't v Kommagene v epokhu Mitridata I Kallinika i Antiokha I Teosa. [Pantheon and Royal Cult in Commagene in the Age of Mithridates I Callinicus and Antiochus I Theos]*. PhD Dissertation. Moscow.
- Olshausen, E. 1990: Götter, Heroen und ihre Kulte in Pontos. *ANRW* 18/3, 1865–1906.
- Pfeiffer, S. 2008: *Herrscher- und Dynastiekulte im Ptolemäerreich: Systematik und Einordnung der Kultformen*. München.
- Pfeiffer, S. 2008: The god Serapis, his cult and the beginnings of the ruler cult in Ptolemaic Egypt. In P. McKechnie, P. Guillaume (eds.), *Ptolemy II Philadelphus and his world*. Leiden–Boston, 387–408.
- Saprykin, S.Yu. 2005: Enkomiy iz Pantikapeya I polozhenie Bosporskogo tsarstva v kontse I – nachale II v. n.e. [Encomion from Panticapaeum and the history of the Bosporan Kingdom

- on the turn of the 1st and 2nd centuries AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 45–81.
- Saprykin, S.Yu. 2009: *Religiya i kulty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni* [*Religion and Cults of the Hellenistic and Roman Pont*]. Moscow–Tula.
- Saprykin, S.Yu. 2017: Iranskie traditsii v politike, ideologii i kul'ture Pontiyskogo tsarstva. [Iranian Traditions in Policy, Ideology and Culture of the Kingdom of Pontus]. *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury*. [*Scripta antiqua. Ancient History, Philology, Arts and Material Culture*]. Vol. 6. Moscow, 280–310.
- Shenkar, M.A., 2013: Ob ikonografii xvarənah i ego roli v ideologii drevnikh irantsev [On the iconography of xvarənah and its role in the ideology of the ancient Iranians]. In *Posledniy entsiklopedist: Kyubileyu B.A. Litvinskogo* [*The Last Encyclopaedist: To the anniversary of V.A. Litvinskiy*]. Moscow. 427–451.
- Sherwin-White, S., Kuhrt, A. 1993: *From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire (Hellenistic Culture and Society)*. Berkeley–Los Angeles.
- Smith, A.C. 1994: Queens and Empresses as Goddesses: The Public Role of the Personal Tyche in the Graeco-Roman World. In S.B. Matheson (ed.), *Yale University Art Gallery Bulletin. An Obsession with Fortune: Tyche in Greek and Roman Art*. Yale University, 86–105.
- Spyridakis, S. 1969: The Itanian Cult of Tyche Protogeneia. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 18.1, 42–48.
- Tokhtasev, S.R. 2015: Nadpisi na perstnyakh, soderzhashchie slova XAPA i ΨYXH [Inscriptions containing words XAPA and ΨYXH on rings]. In M.Yu. Treister (ed.), *Zoloto Fanagorii* (V.D. Kuznetsov (ed.), *Fanagoria. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy*. T. II. [*Phanagoria. Results of Archaeological Researches*. Vol. II]). Moscow, 202–207.
- Tuplin, C. 2014: The military dimension of Hellenistic kingship. An Achaemenid inheritance? In F. Hoffman, K.S. Schmidt (eds.), *Orient und Okzident: Antagonismus oder Konstrukt? Machtstrukturen, Ideologien und Kulturtransfer in hellenistischer Zeit*. Vaterstetten, 245–276.
- van Oppen, B.F. 2015: *Berenice II Euergetis: Essays in Early Hellenistic Queenship*. New York.
- Vinogradov, Yu.G., Shestakov, S.A. 2005: Laudatio funebris iz Pantikapeya [Laudatio funebris from Panticapaeum]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*], 42–44.
- Wallace, J. 2011: Legal Theories and Ancient Practices in John Selden's Marmora Arundelliana. *Journal of the History of Ideas* 3. Vol. 72, 393–412.
- Williamson, C. 2013: As God is my witness. Civic oaths in ritual space as a means towards rational cooperation in the Hellenistic polis'. In R. Alston; Onno M van Nijf; C.G. Williamson (eds.), *Cults, Creeds and Identities in the Greek City after the Classical Age*. Vol. 3. Leuven–Paris–Walpole MA., 119–174.
- Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva V.I. 2007: Datirovka pogrebeniya v Nogaychinskom kurgane. Dialogi s opponentom. [Dating of the Burial in the Nogaichik. Barrow. Dialogs with the Opponent]. In Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Sbornik v chest' 80-letiya T.N. Vysotskoy*. Ancient Taurica [*Collected papers in honour of the 80th anniversary of T.N. Vysotskaya*]. Simferopol, 319–358.

TYXH OF SELEUCUS II IN THE OATH
OF THE MAGNESIAN KATOIKOI (OGIS 229. II)

Ivan Yu. Vorobyov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

E-mail: prozaivana@mail.ru

Abstract. Tyche is a goddess of fate, good luck, whose cult was popular in the Hellenistic and the Roman periods. There were her hypostases, personifying the “happiness” of a ruler. The article is devoted to the personification of the “happiness” of king Seleucus II, mentioned in the oath of the Magnesians katoikoi (OGIS 229. II). The article analyzed the available evidence of the existence of the royal Tyche in the Hellenistic world to clarify the image of the deity in the ideology of the Seleucid dynasty. The author suggests that the role of the royal “happiness” in the ideology of the Seleucids was insignificant. It is concluded that the “happiness of king Seleucus” should be seen not as a “personal genius”, but as a royal deity, having a close connection with the ruler. The emergence of the Seleucid Tyche can be seen as the development of the oath ritual in the Hellenistic period and a manifestation of interest to the goddess not only on the part of the monarchy, but also of its subjects.

Keywords: Tyche, Seleucus II, oath, katoikoi, Seleucid.
